

Умолкнул Ангел, но волшебный звук
Его речей как бы не затихал
В ушах Адама, недвижимо он
Внимал ему и словно ото сна
Очнувшись, благодарно произнес:
"Какой признательностью возмещу,
Чем отплачу, небесный летописец,
За то, что знанья жажду утолил
Ты щедро, удостоив снизойти,
Как некий друг поведал о вещах,
Которых мне иначе не постичь.
С восторгом, с изумлением словам
Твоим внимая, должную хвалу
Воздал я Высочайшему Творцу,
Но кое-что неясно для меня,
Лишь ты сомненья в силах разрешить.
Когда гляжу я на прекрасный храм
Вселенной, созерцаю небосвод
И Землю, их размер соотношу,
Мне точкой представляется Земля,
Песчинкой, атомом, в сравненье с твердью,
С исчисленными звездами, они
Сдаются, пробегают по кругам
Безмерные пространства (я сужу
Об этом, исходя из быстроты
Вращенья ежесуточного звезд
И дальности от нас) лишь для того,
Чтоб днем и ночью слать на Землю свет
И темную пылинку озарять,
А в остальном рой небесных тел
Огромных бесполезны. Я дивлюсь:
Как мудро, бережливая могла
Природа беспричинно допустить
Такую расточительность, создав
Столь много благороднейших светил,
Преследуя единственную цель,
И по орбитам разным предписать
Им вечное движенье, день за днем
Возобновляемое, а Земля
Недвижная, которая легко
Вращалась бы по круговой стезе,
Гораздо меньшей, вправе без труда
Теплом и светом пользоваться, данью,
Летающей к ней из глубины пространств
Безмерных, с несказанной быстротой,
Не выразимой никаким числом!"

Так молвил Пращур наш, его черты
Раздумчивость являли о вещах
Высоких, странных. Ева, в стороне
От них сидевшая, приметив это,
Величественно-скромно поднялась
И отошла с изяществом таким,
Что каждый бы невольно пожелал
Ее присутствия. Она к цветам,
К деревьям плодоносным отошла,
Дабы взглянуть, как завязи плодов
И почки развиваются, росли
Они живее под ее рукой
И распускались ярче и пышней,
Когда Праматерь приближалась к ним.
Нет, Ева удалилась не затем,
Что скучен ей, иль вовсе чужд предмет
Беседы, или слишком затруднен

Для разуменья женского. О нет!
Блаженство это Ева берегла
До времени, когда наедине
Ей обо всем поведает супруг.
Архангелу она предпочитала
Рассказчиком Адама, чтоб ему
Подробные вопросы задавать,
Предчувствуя, что разговор не раз
Он отступленьем ласковым прервет
И в нежностях супружеских решит
Сомненья важные, его уста
Отнюдь не красноречием одним
Пленяли Еву. Где найдешь теперь
Чету подобную, такой союз
Взаимоуваженья и любви!
Богopodobная, она в саду
Ступала, как царицу, провожал
Ее повсюду праздничный кортеж
Прелестных граций, мечущих окрест
Желанья стрелы, в каждом пробудив
Потребность видеть Еву непрестанно.
Адамовым сомненьям Рафаил
По-дружески терпимо отвечал:

"Твою пытливость я не осужу.
Как письма Господни пред тобой
Открыто небо, чтобы ты читал,
Дивясь деяньям Божьим, времена
Учился годовые различать,
Часы и годы, месяцы и дни.
Для этого познания все равно:
Земля вращается иль небосвод,
Счисленья были бы твои верны.
Великий Зодчий остальное скрыл
От Ангелов и от людей навек
И не поверил тайны никому,
Да не допытываются о ней
Создания, которым подобает
Лишь восхищаться детищем Творца.
Все мирозданье предоставил, Отец
Любителям догадок, может быть,
Над ними Посмеяться возжелав,
Над жалким суемудрием мужей
Ученых, над бесплодною тщетой
Их мнений будущих, когда они
Исчислят звезды, создавать начнут
Модели умозрительных небес
И множество придумывать систем,
Одну другой сменяя, им стремясь
Правдоподобность мнимую придать,
Согласовав с движением светил,
Сплетеньем концентрических кругов
И эксцентрических расчертят сферу
И циклов, эпициклов наверх,
Орбиты уместят внутри орбит.
Предсказываю это, исходя
Из твоего сужденья, род людской
Им будет руководствоваться впредь.
Уверен ты, что светлые тела
Значительные не должны служить
Планетам незначительным и свет
Не излучающим, что небеса
Свершают зря свой повседневный бег,
Земле же неподвижной перевес

Во всем достался. Рассуди сперва:
Ведь сами по себе размер и блеск
Еще не составляют Превосходства.
Хотя, в сравненье с небом и темна,
Мала Земля, но может содержать
Гораздо больше важных совершенств,
Чем Солнце, что сияло бы вотще,
Когда бы свет не надобный ему
И бесполезный, не струился вниз
И Землю тучную, не озарял
Лишь прикасаясь к ней, бесплодный луч
Приобретает силу и вдобавок
Светила эти служат не Земле,
Но Человеку жителю ее.
Объем небес огромный да гласит
О славе Господа, что созидал
Пространно так, чья протянулась вервь
Столь далеко, чтоб Человек не счел
Все Мироздание своим жилищем,
И обитатель крохотной частицы
Вселенной уловил бы, что собой
Просторов не заполнит мировых,
Чье назначенье знает лишь Господь.
Его всесилье в быстроте познай
Кругов несметных этих, веществу
Он скорость молнийную сообщил,
Почти духовную. Не мыслишь ты,
Что не проворен я, с утра успев
От Божьего Чертога прилететь
В Эдем еще до полдня, пересек
Пространство, для которого нельзя
Обозначений численных найти.
Я так сужу, вращенье допустив
Небес, дабы ничтожность уяснить
Причин, что наклоняют разум твой
К сомненьям, но не стану утверждать
Действительность вращенья самого,
Хоть явью кажется оно тебе
Земному наблюдателю. Творец
От человека скрыл Свои пути
И небо от Земли Он отдалил,
Дабы самонадеянность людей
В предметах высочайших, для ума
Людского недоступных, потерялась
И не выгадывала б ничего.
Что, если Солнце в центре мировом
Находится, а сонмы прочих звезд,
Двум силам притяженья подчиняясь,
От Солнца исходящей и от них
Самих, окрест него, за кругом круг
Описывают? Их неровный бег
Являют нам наглядно шесть планет,
То книзу движутся они, то вверх,
Скрываются, плывут вперед, назад
И останавливаются порой.
Что, ежели седьмою в их ряду
Планетой состоит Земля? На вид
Недвижная, троякое она
Движенье, незаметно для себя,
Свершает? Или это припиши
Ты некоторым сферам, в небесах
Вращающимся противоположно,
Пересекая вкось пути свои,
Иль Солнце от его труда избавь

И это суточное колесо,
Надзвездный и незримый ходкий ромб,
Возможно движитель ночей и дней,
В его вращении останови.
Во всех догадках этих нет нужды,
Коль движется Земля навстречу дню,
Катясь к Востоку и вступает в ночь
Противоставшей Солнцу полусферой,
Когда другая в озаренье дня.
Что, если сквозь прозрачный воздух льет
Луне Земля свой отраженный блеск
И светится дневной звездой там,
Как по ночам Луна сияет здесь,
Взаимно служаая? На Луне,
Возможно, есть материки, поля
И обитатели на ней видны
Неправильные пятна, облакам
Подобные, из облаков дожди,
Быть может, падают, производя
В размягшей почве разные плоды
Кому-нибудь на пищу. Может быть,
Ты обнаружишь в глубине пространств
Иные солнца, в окруженье лун,
Мужские посылающих лучи
И женские, великие два пола
Одушевляют мировой простор,
И не исключено, что населяют
Создания живые все миры.
То, что в Природе столь большой объем
Безжизненен, пустынен, одинок
И у него другой задачи нет,
Как только от громадных этих сфер
Безлюдных искры света уделять
Далекой, обитаемой Земле,
Которая обратно, в свой черед,
Им посылает обретенный свет,
Подобная гипотеза весьма
Гадательна. Но так или не так,
Устроен мир и Солнце ли царит
На небе, над Землею восходя,
Восходит ли над Солнцем шар земной,
Вступает ли на пламенный свой путь
С Востока Солнце иль Земля неслышно
И медленно от Запада скользит
И почивая на своей оси,
Тебя уносит плавно, заодно
Со всею атмосферой, не томись
В разгадыванье сокровенных тайн,
Их Богу предоставь, Ему служи
Благоговейно, да изволит Он
Своими тварями располагать
По месту пребывания их. Вкушай
Блаженство, уделенное Творцом,
Эдемом наслаждайся и женой
Твоей прекрасной. Слишком далеки
Просторы неба, дабы ведал ты,
Что там свершается. Итак, пребудь
Смирennemудрым: Думай о себе,
О бытии своем, оставь мечты
Несбыточные о других мирах,
О тех, кто там живет, о их судьбе
И совершенстве. Удовлетворись
Дозволенным познанием о Земле
И даже о высоких Небесах,

Которое тебе сообщено!"

В сомненьях просветлись, Адам сказал:

"Небесный чистый Разум, ясный Дух!

Ты в полной мере удовлетворил

Меня, освободил от смутных дум

И указал дорогу бытия

Легчайшую, мне преподав урок

Смиренья, научил не отравлять

Тревожным суемудрием услад

Блаженной жизни, от которой Бог

Заботы и волненья удалил,

Им повелев не приближаться к нам,

Доколе сами их не привлечем

Мечтаньями пустыми и тщетой

Излишних знаний. Суетная мысль,

Неукрощенное воображенье

К заносчивости склонны и тогда

Плутают в лабиринте, без конца,

Пока их некто не остережет,

И опыт жизненный не вразумит,

Что мудрость вовсе не заключена

В глубоком понимании вещей

Туманных, отвлеченных и от нас

Далеких, но в познании того,

Что повседневно видим пред собой,

Все остальное суета сует,

Дым, сумасбродство дерзкое, от них

Невежество рождается, темнота,

Незрелость рассуждений о делах

Наиближайших, важных и туман

Блужданий безысходных. Низойдем

С высот, в скромнейший пустимся полет

И о предметах будем говорить

Подручных. Может статься, обращусь

К тебе с вопросами, на них ты дашь,

Коль не сочтешь излишними, ответ

С терпеньем, я надеюсь, добротой

И снисхожденьем, свойственным тебе!

О том, что до меня произошло,

Поведал ты и в свой черед, внемли

Рассказу моему, возможно, он

Тебе безвестен. День еще велик.

Ты видишь, я хитрю, чтоб задержать

Твое отбытье повестью моей,

Что надо было бы нелепым счесть,

Когда б рассказом я не полагал

Ответы вызвать снова. Близ тебя,

Сдается, я на Небе и слова

Твои мне слаще пальмовых плодов,

Когда мы жаждем, завершив труды,

И алчем, сладостны они на вкус,

Но приедаются. Твоя же речь

Божественной питает благодатью,

Не пресыщая душу никогда."

И с кротостью небесной Рафаил

Ответил: "Сладкогласья и твои

Уста не лишены, красноречив

И твой язык, о Праотец людей!

Тебя Всевышний щедро одарил

Духовно и телесно, ибо ты

Прекрасное подобие Творца.

Безмолвствуешь ли ты иль говоришь,

Движенья и слова твои полны
Благопристойности и красоты.
На Небе сослужителя земного
В тебе мы видим и в твою судьбу
Вникаем, ибо зрим, сколь Бог почтил
Тебя, на Человеке утвердив
Свою равновеликую любовь.
И так, рассказывай. Я в День Шестой
Как раз отсутствовал, мне довелось
Квадратный, целокупный легион
Сопровождать в нелегкий, мрачный путь
К вратам Геенны и (таков приказ)
Охранные установить посты,
Чтоб ни один лазутчик или враг
Не выручился, чтоб творящий Бог,
Помехой дерзновенной раздражен,
Творенье с разрушеньем не смешал,
Конечно, Божьей воле вопреки,
Они бы не решились на побег,
Но Бог послал нас как Владычный Царь
Самодержавный, приучая нас
Немедленно приказы выполнять.
Мы запертыми страшные врата
И крепко загражденными нашли,
Услышали, еще издавека,
За ними шум не хоровой распев,
Не развеселый пляс, но вопли мук
И яростного бешенства рычанье.
С великой радостью вернулись мы
В Обитель Света, как приказ гласил,
До вечера Субботнего. Но жду
Твоих речей, дабы внимать с отрадой
Не меньшею, чем ты моим внимал!"

Богopodobной Силе Пращур наш
Ответил: "Человеку мудрено
Поведать о начале бытия
Людского. Кто же помнит о своем
Возникновенье? Но желая длить
С тобой беседу, я рассказ начну.
Сперва, как бы очнувшись ото сна
Глубокого, простертым на траве
И на цветах себя я осознал,
В душистой, бальзамической росе,
Что под влияньем солнечных лучей,
Впивающих летучий, влажный пар,
Просохла вскоре. Удивленный взор
Возвел я, созерцая небосвод
Обширный, а затем, как бы стремясь
К нему, наитьем внутренним влеком,
Встал на ноги и увидел вокруг
Холмы, долины, сень тенистых рощ,
Поляны солнечные и ручьев
Рокочущих течение и везде
Живые твари двигались, брели,
Порхали, птицы пели средь ветвей.
Природа улыбалась. Благовоньем
И счастьем сердце наполнилось мое.
Потом себя исследовать я стал,
За членом член, то я бежал, то шел,
И гибкие повиновались мне
Все части тела. Кто же я таков,
От куда взялся? этого не знал.
Пытаюсь молвить и заговорил,

Всему, что пред глазами, мой язык
Послушный нарекает имена.
"Ты, Солнце! я вскричал.

Прекрасный свет!

Ты, ярко освещенная Земля,
Цветущая и радостная! Вы,
Холмы и доли, реки и леса!
Вы, дивные, живые существа,
Движеньем одаренные! Молю,
Скажите, если видеть довелось,
Как я возник и очутился здесь?
Не сам собою значит, сотворен
Создателем великим, всемогущим
И благостным. Скажите, как Творца
Познать и благодарно восхвалить
Того, кто дал мне жизнь, движенья дар
И счастье, ощущаемое мной,
Безмерно большее, чем я могу
Уразуметь и выразить в словах!"
Взывая так, от места, где вдохнул
Впервые воздух, где впервые блеск
Пленительный в мои глаза проник,
Я уходил неведомо куда.
Ответа не было. В тени присел
Я на бугор дерновый, весь в цветах,
И призадумался и сладкий сон
Сморил меня впервые. Нежный гнет
Мои все чувства дремные сковал,
Их не тревожа. Мнилось, что опять
Я в состоянье прежнее вернусь,
В небытие, что обращусь в ничто.
Вдруг сонное Виденье подступило
Ко мне, остановившись в головах,
Своим присутствием едва внушив,
Что я еще живу и существую.
И дивноликий Некто возгласил,
Приблизившись: "Твоя обитель ждет,
Адам, тебя. Встань, первый Человек,
Встань, Праотец бесчисленных людей!
Меня ты звал Я здесь, дабы ввести
Тебя в жилие твое, в блаженный сад!"
Сказал и за руку меня подняв,
Над водами и долами, стопой
Не прикасаясь к почве, заскользил
По воздуху и наконец, возвел
На верх горы лесистой, что была
Обширным плоскогорием округлым
Увенчана, со множеством дерев
Роскошных, меж которыми вились
Тропинки и манили тенью кущи.
Все виденное мною до сих пор
Уже не столь прекрасным я почел,
С чудесной этой местностью сравнив.
Деревья были все отягчены
Плодами дивными, они мой взор
Прельщали и желание вкусить
Внушали алчное. Но в этот миг
Проснулся я, увидев наяву
Мой воплощенный сон. Скитаться вновь
Я стал бы наугад, но меж стволов
Явился Тот, кто ввел меня сюда:
Воистину явилось Божество!
В благоговейной радости и страхе
Покорно я припал к Его стопам.

Подняв меня, Он кротко произнес:
"Я Тот, кого ты ищешь, Я Творец
Всего, что видишь ты вверху, внизу
И вокруг себя. Прекрасный этот Рай
Дарю тебе, своим его считай,
Храни, воздělывай и от плодов
Любого древа, что растет в саду,
Ты невозбранно, с легкою душой,
Вкушай, неурожая не боясь.
Но Древа, чье воздействие дает
Познание Добра и Зла не тронь!
Как послушанья твоего залог
И верности велениям Моим,
Я посредине сада поместил
Его, близ Древа Жизни. Берегись
Плода Познания! Берегись дурных
Последствий горьких! Помни! Если ты
Вкусишь, единый преступив запрет
И согрешив, то с этого же дня
Неумолимо должен умереть.
Ты смертным будешь, навсегда лишась
Блаженства и от сюда в мир забот
И скорби изгнан!" Грозно Он изрек
Запрет, что до сих пор звучит в ушах
Так страшно, хоть его не преступать
Иль преступить зависит от меня.
Но вскоре прояснился дивный лик,
И Некто милостиво продолжал:
"Не только сад, всю Землю я тебе
Дарю и потомству твоему.
Владейте, как хозяйева, Землей
И всякой тварью, что живет на ней,
В морях и в небе: зверем, рыбой, птицей.
Во знаменье сего, гляди, Адам!
Вот птица всякая и всякий зверь
По их породам, созданные Мной,
Дабы ты имя каждому нарек,
Они же подданство тебе свое
С покорностью смиренной изъявят.
О рыбах точно так же разумей,
Они покинуть водяной приют
И влажную стихию заменить,
Равно как воздухом земным дышать,
Не могут!" И пока Он изрекал,
Попарно твари близились ко мне,
Животные, колена преклонив,
Ласкались, птицы же снижая лет.
По мере приближенья имена
Я им давал и постигал их свойства,
Внезапно Всемогущим вразумлен.
Но между этих тварей не нашел
Той, чье отсутствие меня весьма
Тревожило и я тогда дерзнул
Небесное Виденье спросить:
"Как назову Тебя? Ты выше всех
Творений этих, выше Человека
И наисовершеннейших существ,
Любые превышая имена!
Какое обожание воздам
Тебе, Кто создал мир и столько благ,
Мне уделенных щедрою рукой
Для процветанья моего, Тобой
Приготованного? Но нигде
Не вижу с кем блаженство разделю!

Возможно ль обособленно вкушать
Отраду, наслаждаться одному
Дарами всеми и счастливым быть?"
Так дерзко вопрошал я. Светлый Дух
С улыбкой, от которой он ясней,
Казалось, просветлел, в ответ сказал:
"Но что ты одиночеством зовешь?
Земля и воздух разве не полны
Живыми тварями и ты не властен
Призвать созданья эти, приказав
Тебя увеселять своей игрой?
Ты их повадки знаешь, языки,
Есть разум и у них, воспринимать
Способный не презренно и судить.
Вот с ними и общайся, ими правь,
Твое обширно царство!" Так вещал
Владыка Мирозданья, мнилось, Он
Повелевал, но я Его молил
О дозволении продолжить речь,
С покорством надлежащим возразив:

"О мощь Небесная! Не оскорбись
Моею речью! Милость, мой Творец,
Ей окажи! Не ты ль меня назвал
Наместником и образом Твоим,
Поставив, по сравнению со мной,
Намного ниже тварей остальных?
Возможно ли общение существ
Столь разных и какой в нем будет лад,
Какое наслаждение? Ведь оно
Бывает лишь взаимным, пополам
Делясь меж тем, кто дал и кто обрел,
В неравенстве, когда один силен,
Подтянут, а другой опущен, слаб.
Согласие непрочно, докучат
Они друг другу вскоре. Я ищу
Общения, где я делить бы мог
Духовные утехи, в этом зверь
Не соучастник мне, ведь жизнь мила
Созданиям подобным, например,
Со львицей льву, Ты мудро сочетал
Попарно их. Но трудно подружить
Со зверем птицу и с пернатым рыбу,
А с обезьяной не сойдется бык,
Но в равную вступить с животным связь
Всех менее способен Человек!"
Безгневно Всемогущий отвечал:
"Приятнейшей и высшей из утех,
Как вижу Я, считаешь ты, Адам,
Избранье друга жизни, смаковать
Услады в одиночку, находясь
Хотя бы в средоточии услад,
Не хочешь ты. Но что же обо Мне
Ты думаешь? Вполне ли Я блажен?
Ведь Я во всей Вселенной одинок
Извечно и не ведаю нигде
Подобного и менее всего
Мне равного. Но с кем же Я могу,
Помимо тварей, сотворенных Мной,
Общаться, ведь они намного ниже
Творца, безмерно дальше отстоят,
Чем от тебя все прочие созданья!"

Он смолк, смиренно я промолвил вновь:

"Всевышний! Вечные Твои пути,
Их высоту и глубину постичь
Не в силах человеческая мысль.
Ты совершенен Сам в Себе и нет
В Тебе изъяна. Человек не так
Устроен, совершенствуется он
Лишь постепенно, ищет посему
Подобного себе, в общенье с ним
Стремясь поддержку слабости своей,
Участье, утешенье почерпнуть.
Тебе не надобно преумножаться,
Ты бесконечен и хотя Един,
Все числа заключаешь, но число
Являет в человеке недочет
Его природы. Должен Человек
Подобных от подобного рождать,
Свой образ множа, в особи одной
Несовершенный, для чего любовь
Взаимная и нежная приязнь
Нужны. Ты в одиночестве Твоей
Таинственной сообщество найти
Достойней, совершенной, чем Ты Сам,
Не можешь и общенья искони
Не ищешь, но Ты собственную тварь
Возвысить в силах, если б возжелал
Общаться с нею и вступить в союз,
Обожествив ее. Мне ж не дано
Поднять к общенью эти существа
Склоненные и с ними разделять
Забавы!" Так я смело говорил,
С дозволенной свободой, что была
Благоприятно принята и Голос
Божественный приветливо сказал:
"С приятностью тебя, до этих пор,
Изволил Я испытывать, Адам!
Не только тварей, названных тобой
По именам, Я вижу, ты постиг,
Но и себя, свободный дух явив,
И образ Мой, скотам, лишенным речи,
Не уделенный. Потому они
Не годны для общения. Ты прав,
Его отвергнув: думай так всегда.
Я прежде твоего сужденья знал,
Что одиноким Человеку быть
Нехорошо не этих Я созданий,
Которых видишь ты, определил
В наперсники тебе, я их привел
Для испытания, дабы узнать,
Что подобающим считаешь ты.
Но существо, которое теперь
Я приведу, тебя обворожит,
Оно твой образ, истинную в нем
Ты обретешь опору, самого
Себя второго, всех желаний цель
И сердца воплощенную мечту!"
Не то Он смолк, не то я перестал
Воспринимать: моя земная суть
Величием подавлена была
Небесным, слишком силы я напряг
В беседе выпрерней и ослеплен,
Изнеможден безмерной высотой
Затронутых вопросов, что едва
Уму доступны, опустился наземь,
Ища во сне восстановленья сил.

Природа помогла мне и глаза
Мои сомкнулись, но духовный взор
Открытым оставался и тайник
Воображенья бодрствовал во сне.
В оцепененье, мнилось, я узрел
Себя лежащим. Лучезарный лик
Творца, что мне являлся наяву,
Склонился надо мной. Мой левый бок
Всевышний отворил, извлек ребро,
Согретое сердечной теплотой
И свежей кровью, что питает жизнь.
Мгновенно плотью рана заросла
Глубокая, всецело исцелясь.
Он стал ребро перстами формовать,
И вышло из Его творящих рук
Создание, по виду Человек,
Но пола женского и красоты
Столь сладостной, что всё, до сей поры
Прекраснейшее, виденное мной,
Померкло или воплотилось в ней,
В ее очах, обдавших сердце мне
Отрадою, неведомой досель.
Она одушевила целый мир
Любовью и пленительностью нежной
И вмиг меня покинула во тьме.
Я, пробудись, хотел ее найти
Иль над потерей вечно слезы лить,
Отрекшись ото всех других утех,
И впал уже в отчаянье, но вдруг
Ее вблизи увидел наяву,
Какой она явилась мне во сне,
Украшенную всем, что расточить
Могли Земля и Небо, одарив
Пригожестью, рождающей любовь,
Ведомая невидимым Творцом,
Навстречу шла, указывал ей путь
Небесный Голос, наставленья дав
Заранее о таинствах святых
Супружества. Дышала волшебством
Ее походка, небеса в очах
Сияли, благородства и любви
Движенье было каждое полно.
Я не сдержал восторга и вскричал:
"Мои мечты превысил дивный дар.
Сдержал Ты слово, милостивый, щедрый
Творец, Податель благ и совершенств!
Но это лучший изо всех даров,
Что ты не поскупился мне вручить,
Кость от моих костей, от плоти плоть.
Себя в ней вижу, имя ей жена,
От мужа взятая, вот почему
Он мать свою забудет и отца,
Прилепится к жене и станут оба
Единой плотью, сердцем и душой!"

Она вняла и хоть ее влекла
Десница Божья, но девичья скромность,
Достоинства сознанье, чистота
Невинности: все то, что надлежит
Искательно лелеять, ублажать,
Сокровища любви, что никому
Иначе не даются и себя
Не предлагают, но, наоборот,
Лишь уклоняются, что их милей

И вожделенней делает, короче,
Сама Природа, чуждая вполне
Греховных дум, заговорила в ней
И побудила обратиться вспять.
Я поспешил вослед, она склонись
На доводы мои, постигнув долг,
Величественно покорилась мне.
Ее, зардевшуюся, как заря,
Повел я в кущу брачную, влиянье
Благоприятное дарили нам
Все небеса и сочтанья звезд
Счастливые, земля и цепь холмов
Нас поздравляли, птичий хор гремел,
Возвеселясь, шептались ветерки
Прохладные и нежные в лесах,
Нас обдавали с каждым взмахом крыл
Дыханьем пряным, свеянным с кустов
Благоуханных, осыпая нас
Охалками душистых роз, пока
Ночной певун влюбленный не запел
Венчальный гимн, взойти поторопив
Звезду вечернюю и над холмом
Светильник свадебный для нас возжечь.
Я все поведал о моей судьбе,
Довел рассказ до высшей полноты
Земного счастья, изо всех блаженств
Наисладчайшего. Я, признаюсь,
И в прочих благах радость нахожу,
Но ими пользуюсь я или нет,
Особо не волнуюсь, не горю
Алчбой неутолимой, речь идет
О наслаждениях, что обонянье
Нам доставляет, зрение и вкус,
Цветы, плоды, растенья, щебет птиц,
Прогулки. Но совсем иное здесь!
Гляжу ли, прикасаюсь ли восторг
Меня охватывает! Здесь впервой
Неодолимую познал я страсть
И содроганье странное. Всегда
Я был сильнее всех других услад
И выше, но пред властью красоты,
Пред этим всемогуществом я слаб.
Ошиблась ли Природа, сохранив
Частицу уязвимую во мне,
Бессильную пред этим волшебством?
Не больше ли, чем надо, извлекла
Из бока моего, дабы жену
С великим изобильем не скупясь,
Телесным совершенством одарить,
Духовной безупречности не дав?
Я понимаю, что, превосходя
Меня намного внешней красотой,
Она, по назначению Природы
Исконному, слабей меня умом
И ниже по способности души.
В ней меньше лик Творца, что создал нас,
Отображен и вверенная нам
Над всякой тварью власть в ее чертах
Не столь отчетлива, но каждый раз,
Когда я приближаюсь к существу
Ее прелестному я покорен,
Такою безупречной предстает,
И завершенной, и в сознание прав,
Присущих ей, такую благородной,

Что все поступки Евы и слова
Мне кажутся прекраснее всего
На свете, добродетельней, умней!
Познание высшее пред ней молчит
Униженно, а мудрость, помрачась
В беседе с ней, становится в тупик,
Подобно глупости. Рассудок, власть
Ей служат, будто искони
Она задумана, а не в конце
Творения возникла невзначай.
В ней, напоследок, избранный приют
Свой обрели величие души
И благородство, строгим окружив
Почтеньем, словно Ангельской охраной!"

Нахмурясь, Ангел молвил: "Не вини
Природу, что исполнила свой долг,
Заботься лучше о твоих делах,
Не сомневаясь в мудрости, она
С тобой пребудет, ежели ты сам
Не отвернешься от нее, придав
Предметам, по суждению твоему,
Не слишком ценным, непомерный вес.
Чем восторгаешься? Чем восхищен?
Наружностью? Она, сомненья нет,
Прекрасна и твоих достойна ласк,
Любви, благоговенья, нежных слов,
Отнюдь не подчиненья. Сопоставь
Сначала ваши качества, потом
Оценивай. Порой всего нужней
Нам самоуваженье, если мы
На справедливости обоснуем
Его и здравомыслием умерим.
Чем лучше ты сумеешь овладеть
Таким искусством, тем жена быстрее
В тебе признает своего главу
И мнимые уступят совершенства
Достоинствам правдивым. Ей даны
Прельщенья, чтобы нравиться тебе,
Величье, чтобы с честью ты любил
Подругу, от которой не укрыть
Малейший промах твоего рассудка.
Но если ты касание телес,
Что служит размножению людей,
Считаешь величайшим из блаженств,
Подумай, ведь с тобою наравне
Им тварь последняя наделена
И всякий скот и не было б оно
Всеобщим, если б содержалось в нем
Хоть что-нибудь, достойное восторг
В тебе зажечь и душу подчинить,
И плотским вождельем взволновать.
Все то, что в обществе твоей жены
Возвышенным находишь: нежность, ум
И человечность полюби навек.
Любя, ты благ, но в страсти нет любви
Возвышенной, что изощряет мысль
И ширит сердце, в разуме гнездясь,
И судит здраво. Лестницей служить
Любовь способна, по которой ты
К любви небесной можешь вознестись,
Не погрязая в похоти. Затем
Нет ровни у тебя среди зверей".

Смутясь, Адам сказал: "Меня влечет
Не красота, не сладострастный дар
Воспроизводства, разделенный мной
Со всеми тварями (хотя сужу
О брачном ложе несравненно выше,
Оно благоговение родит
Во мне таинственное). Нет, пленен
Любезностью и прелестью живой,
Тысячекратно, всякий день и час,
Являющих в поступках и речах
Моей подруги нежную любовь
И угожденье ласковое. В них
Единство истое воплощено,
Согласье мыслей и согласье чувств,
Одна душа в различных двух телах:
Гармония супружеской четы
Для глаз отраднее, чем стройный гимн
Для слуха. Но не в рабстве я, поверь!
Тебе откроюсь: я не побежден!
Явленья и предметы на меня
Влияют разное, лучшие из них
Одобрив, я последую тому,
Что одобряю, волен мой отбор,
И действия вольны. Ты не коришь
Любовь, ты говоришь она ведет
На Небо, что она и путь и вождь.
Ответь, коли дозволен мой вопрос:
Любовь доступна Духам? Если так,
То в чем любовь у них воплощена?
Во взорах ли, в слиянии лучей,
В духовных иль в прямых соединеньях?"

С улыбкою, зардевшись цветом роз
Небесных, цветом истинной любви, -
Архангел отвечал: "Довольно знать,
Что мы блаженны, без любви же нет
Блаженства. Наслаждения твои
Телесные чисты, ведь сотворен
Ты чистым, наслаждаемся и мы,
Но в большей мере. Не мешают нам
Конечности, суставы, оболочки
И прочие преграды. С Духом Дух
В объятиях сливаются быстрее,
Чем воздух с воздухом и чистота
Стремится с чистотой вступить в союз,
Частичная не надобна им связь,
Соединяющая с плотью плоть,
С душою душу. Дольше не могу
Беседовать. На Западе уже
Заходит Солнце за зеленый мыс,
За купы изумрудных островов
Жилища Гесперид и это знак
Мне возвратиться. Твердым будь, живи
Блаженно и люби, но предо всем
Того, кто от любви твоей взыскал
Покорности. Блуди Его завет
И берегись, чтоб не затмила страсть
Рассудка твоего не привлекла
К деяниям таким, которых сам
Ты по свободной воле не свершишь.
Твоя судьба и всех твоих сынов
В руках твоих и счастье, и беда.
Небесный клир со мною заодно
Возрадуется стойкости твоей.

Пребудь же верным: устоять иль пасть
Лишь от тебя зависит. Одарен
Духовным совершенством не ища
Подмоги внешней, отвергай соблазн,
Любое наущенье ко греху!"

Сказав, он встал. Последовав за ним,
Адам благословил его: "Ступай,
Коль наступил разлуки нашей срок,
Небесный гость, божественный гонец
Того, чью царственную благодать
Люблю безмерно! Кротко снизошел
Ты до меня и ласково! Всегда
Об этом благодарно помнить стану.
К людскому роду милостивым будь
Вовеки и почаще приходи!"

Простившись, Ангел к Небесам взлетел
Из тени, и под кров ушел Адам.